

НАРРАТИВ И АТРИБУТИВНЫЕ СИСТЕМНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Исследование нарратива в современной методологии науки приобретает все возрастающее значение. Утверждение идеи нестабильности, принятие представлений о темпоральности, новое понимание детерминизма в ситуациях нестабильности формируют новое отношение к исследуемой реальности, предполагающее сближение деятельности ученого и литератора и нарративизацию современной науки [1, с. 51]. Хотя некоторые элементы научных текстов типа дедуктивных выводов, классификаций или исторических хроник не являются нарративными, в целом структура нарратива пронизывает и научные тексты, особенно гуманитарные, неявно предопределяя расстановку исследовательских акцентов. «Нарративное знание рассматривает научные тексты лишь как разновидность в семье нарративных культур» [2, с. 69-70].

Как феномен науки нарративы больше всего распространены в исторических дисциплинах, в литературоведческих комментариях, биографиях и автобиографиях (когда их относят к науке, хотя литературность нарратива остается всегда).

Многие исследователи склоняются к тому, что повествовательная форма – и устная и написанная – составляет фундаментальную психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу наших попыток описать природу, социум, человека [3, с.30].

По-видимому, обо всем можно что-либо рассказать, то есть построить нарратив. Если природные объекты в естествознании еще можно представить и без нарратива, то с социально-гуманитарными объектами дело обстоит иначе в том отношении, что гуманитарное знание, выстроенное вне нарратива, слишком многое теряет: исторические хроники или иные перечисляющие списки очень мало значат для исследователей вне их нарративной обработки. Они обретают смысл только таким образом. В то же время очевидно, что литературность нарратива ослабляет научную строгость знания.

Преодолеть указанное противоречие можно, если задать нарративу системное представление. Причем можно сохранить многое из того, что несет с собой нарратив: осмысленность текста, его темпоральность и интригу, закономерность итога-вывода и пр.

Термин «нарратив» фиксирует сюжетность, искусственность, наличие рассказчика и слушателя-читателя (нарратора и наррататора) и др. Т.е. важно событие рассказывания, а не просто сам рассказ о событии.

Для нарратива существенно, что речь идет не о представлении или отыскании структуры, а о самом процессе структурирования, благодаря чему получается целостная история с началом, серединой и концом. Тут интрига (фабула) не воспроизводится, а создается.

Учитывая этот момент, могут оказаться полезными три направления явного системного представления нарратива (неявное использование системных представлений – обычное явление в нарративах).

1. Явное представление в виде системы самого нарратива и выявление атрибутивных параметров.

2. Представление в виде системы тех событий (обстоятельств, целей, намерений и пр.), о которых строится нарратив. Т.е. система вместо нарратива. Возможно, в каких-то случаях, она сумеет дать лучшее понимание и объяснение, чем нарратив.

3. Сопоставление двух системных представлений, в частности, обнаружение реляционных системных параметров.

Для нарратива как системы характерны многие атрибутивные параметры.

В частности, представление нарратива как целостной или сильной системы с учетом степени целостности позволяет подобрать более адекватную форму нарратива [4].

Не меньшее значение могут иметь и другие системные параметры.

Цепная система. Структура нарратива представляет собой цепочку событий, где каждое соотносится только с двумя другими элементами. То есть событие значимо только потому, что именно за ним следует и что именно ему предшествует. Хотя, скажем, в биографии или историческом повествовании говорится и о других событиях, но они приобретают смысл только в контексте цепочки. В этом смысле события нарратива больше похожи на падающие костяшки домино, чем на якорную цепь. Т.е. это особая разновидность цепных систем. Нарратив может быть назван телеономической системой: он выглядит как закономерная цепочка, ведущая к итогу как к цели (финитная система). Важно, что здесь речь идет не столько о структуре, сколько о структурировании: и концепт отобран и структура выстроена, и субстрат отобран в соответствии со структурой. Ведь не на все события накладывается цепь событий. Большая их часть к финалу по-

вестования не относится. Структура выбрана так, чтобы составить цепь, ведущую к определенному концу-финишу.

Детерминирующая система. Каждое событие детерминирует последующее, из-за чего они представляют собой сплошную детерминированную линию (цепная детерминация). Детерминированность в нарративе носит особый искусственный характер. Каждое событие предопределяет последующее, но не однозначно, не вполне явно, последующее событие не вытекает из предыдущего, а как бы играет такую условную оговоренную роль, поскольку должно толкать всю цепочку к итоговому результату.

Если нарратив есть цепная система, то уже не будет нецентрированной, поскольку каждое событие связано с двумя, а не со многими. Но если построить систему не как нарративную, т.е. не цепную, а, скажем, центрированную, это может дать большую свободу в охвате фактов. Они, к тому же, могут быть иначе выстроены.

По-видимому, нарратив нельзя отнести к динамической системе. Хотя он и представляет динамику жизни, но сам он статичен: время как бы остановлено, представлено в статике как кадры в киноленте, но в статике ступенчатой, означающей какое-то продвижение (прогресс, регресс, стабильность). Изменения происходят, но они прерывны, как ступени лестницы, как неподвижные отрезки пути, пройденной зеноновской стрелой, которая покоится в каждом отрезке пространства и времени. Сумма неподвижных отрезков составляет путь движущейся стрелы. Так и в нарративе движение, изменение течения жизни представлено как неподвижные жизненные отрезки-события, каждое из которых влияет на другое, создавая фабулу как реляционную структуру. Так движение, изменение жизни схвачено в неподвижной системе.

Таким образом, выявление атрибутивных системных параметров в системных представлениях нарративов открывает более широкие возможности для исследования нарративной организации знания.

Литература:

1. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – №6. – С.46-57.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шмагко. – СПб., 1998. – 160 с.
3. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. // Вопросы философии. - 2000, №3. С.29-42.

4. Афанасьев А. И. Нарратив как система // Философ Уёмов: Biblioteka dialogu. – Warszawa: Wydawnictwo Universitas rediviva, 2014. – С. 181-185.

Воробьев С. Г.

**МОЙ УЕМОВ.
СОДЕРЖАНИЕ ОДНОЙ ДИРЕКТОРИИ**

Вот зачем, в часы заката...
Тихо кланяюсь ему.

Александр Блок

Кому-то, возможно, вспомнилась Марина Цветаева. Хотя возникнуть должна была бы иная, приземленная, ассоциация. Из области компьютерно-потребительской, индивидуалистической и неприкрыто собственнической.

Системные директории «Мои документы», «Мой компьютер», всякие иные с уточнением «мои»: электронные книги, загрузки, музыка, видео и тому подобное заполнили жесткие диски компьютеров. Оставляя в стороне вдохновляющие восклицания: «Не тронь чертежей моих!», «Колея эта только моя!», следовало бы признать, что на дисках наших почти все директории (каталоги, папки), естественно, «свои». В Вавилонской библиотеке электронных книг почетное место занимает Авенир Иванович Уемов. Виртуально и реально. Конечно же, речь идет о «моей», своей для каждого посвященного директории этой библиотеки «Уемов А. И.», а не о первой и даже не о второй сущности великого человека.

Некто К. Прутков на разные лады постулировал невозможность объять необъятное. Даже более чем пятнадцатилетней давности перечень творений Авенира Ивановича представляет собой изрядную по объему брошюру. А вот электронных версий произведений А. И. Уемова, скажем, несколько меньше, чем в упомянутом перечне. Что оставляет место для скромной, но полезной деятельности. Во всемирной паутине заплутал вопрос: «А Вы отсканировали хотя бы одну книгу?» В директории, посвященной Авениру Ивановичу, содержится ряд пропущенных неизвестными добрыми людьми через соответствующие программы классических работ А. И. Уемова.

О первой из них представитель гуманитарной традиции местного значения при случае сказал, что она стала одним из десяти то ли эта-